

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.6630243>

УДК 94

Литвинова Е.С.

Литвинова Елизавета Сергеевна, Алтайский государственный университет, Россия, 656049, Алтайский край, г. Барнаул, проспект Ленина, д. 61. E-mail: wiselizabeth@yandex.ru.

Политико-правовой статус русских эмигрантов в Китае в 20-30 гг. XX: сравнительный анализ

Аннотация. В статье рассматривается состояние политико-правового статуса российской диаспоры в Маньчжурии и Синьцзяне в период 20-30-х гг. XX в., характеризуются тенденции в его изменения. Отмечено влияние Октябрьской революции и гражданской войны в России в 20-е гг. XX в. на эмиграцию российских граждан в Китай. Указаны меры китайских властей по изменению правовой жизни русской колонии, в частности, формированию неблагоприятных условий для эмигрантов из России. Охарактеризована политическая ситуация на северо-западе Китая в 1930-1940-е гг. В результате проведенного анализа сделан вывод о фактическом отсутствии международного регулирования положения эмигрантов на Дальнем Востоке и Центральной Азии.

Ключевые слова: Китай, эмиграция, русская диаспора, гражданство, правовой статус, международные отношения.

Litvinova E.S.

Litvinova Elizaveta Sergeevna, The Altai State University, Russia, 656049, The Altai region, Barnaul, PR-t Lenina, 61. E-mail: wiselizabeth@yandex.ru.

The political and legal status of Russian emigrants in China in the 20-30s of XX: comparative analysis

Abstract. The article examines the state of the political and legal status of the Russian diaspora in Manchuria and Xinjiang for the period of the 20-30s of the XX century. and the main trends in its change in the context of the main similarities and differences in the specified chronological period. The influence of the October Revolution and the Civil War in Russia in the 20s of the XX century on the emigration of Russian citizens to China is noted. The measures taken by the Chinese authorities to change the legal life of the Russian colony, in particular, the formation of the most unfavorable conditions for emigrants from Russia, are indicated. The political situation in the northwest of China in the 1930s and 1940s is characterized. As a result of the analysis, the conclusion is made about the actual absence of international regulation of the situation of emigrants in the Far East and Central Asia.

Key words: China, emigration, Russian diaspora, citizenship, legal status, international relations.

В Китае уже к 1911 сформировалась некоторая нормативная база, содержащая положения о правах иностранных граждан на его территории. Прежде всего, введение местного самоуправления в Харбине в 1908 г. укрепило правовое положение русских. Для русской диаспоры в Китае еще согласно Тяньцзиньскому трактату действовало право на экстерриториальность. На территориях были учреждены смешанные учреждения, в которых представители дороги и китайских властей должны были принимать решения по судебным и административным делам, касающимся интересов дороги и китайского населения.

В результате событий Октябрьской революции и гражданской войны в России в 20-е гг. XX в. Китай стал страной-реципиентом российских эмигрантов. Их правовое положение в силу сложившихся исторических, политических и международных условий имело особенности в зависимости от выбранного ареала расселения [4]. Крупнейшие российские диаспоры сложились в Маньчжурии и Синьцзяне. В статье проводится сравнительный анализ правового статуса, условий проживания мигрантов из России в этих двух регионах.

В сентябре 1920 года китайские власти ликвидировали российское посольство, осуществлявшее юрисдикцию над российскими гражданами на территории Китая, что в свою очередь повлекло существенные изменения в правовой жизни русской колонии [5, с. 53]. Главным следствием стала отмена экстерриториальности российских граждан.

Новые условия, сложившиеся для эмигрантов, были максимально неблагоприятными: прежде всего, они лишались права выезда из Китая в СССР, а также теряли гарантии на предоставление арендных прав на землю и политического участия в местных муниципальных органах. [7, с. 124]. Свидетельством тому служат многочисленные попытки эмигрантов отстаивать свои права с привлечением между-

народного сообщества. Попыткой улучшить положение стал доклад «О правовом и экономическом положении эмигрантов в Маньчжурии», подготовленный представителями российской эмиграции для находившейся в 1932 году в Маньчжурии комиссии Бульвера-Литтона.

Комиссия Литтона по поручению Лиги наций прибыла на место лишь в апреле 1932 г., когда японские силы уже успели создать структуры управления нового псевдо-государства Маньчжоу-го. Вопросу более приемлемых условий жизни русской диаспоры в докладе было посвящено следующее: наделение правами национальных меньшинств согласно статуту Лиги Наций; упорядочение налоговых обязательств наряду с другими гражданами Маньчжурии, право участия в правительстве и муниципалитете, учреждение в полосе отчуждения центрального русского представительства и свободное поселение на землю. В докладе отмечалась довольно высокая стоимость паспортов, обращало внимание на фактически бесправное положение русских эмигрантов. Также к докладу прилагался перечень мероприятий, необходимых для обеспечения более приемлемых условий их жизни: наделение эмигрантов правами национальных меньшинств, упорядочивание налоговых обязательств наряду с другими гражданами Маньчжурии, свободное поселение на землю, право участия в правительстве и муниципалитете, учреждение в полосе отчуждения центрального русского представительства [8, с. 130].

После введения в 1928 году паспортной системы, в Маньчжурии насчитывалось около 110 тыс. русских [1, с. 68]. Однако лишь 60 тысяч из них имели статус эмигрантов, так как после установления дипломатических отношений между СССР и Китаем в 1924 г. многие бывшие российские подданные, вынуждены были принять советское гражданство, чтобы не потерять работу на КВЖД. Что касается социального состава, в нем ярко была выражена

классовая дифференциация: рабочие, крестьяне и казаки, дворяне, мещане и лица, не определившие свой социальный статус.

Так, большая часть представителей казачества приходилась на административный центр Маньчжурии – город Харбин. Точную их численность определить непросто – из года в год она варьировалась, и на период 1920-1930-х гг. составляла от 45 до свыше 70 тыс. человек. В Синьцзяне их численность достигла менее 25 тыс. человек.

Для казаков-эмигрантов новая среда обитания вызывала определенные сложности в связи со спецификой казачьего уклада жизни, поэтому главной целью для них оставалось стремление возродить исторический опыт самоуправления. Представителями казачества было создано немало зарубежных станиц и объединений, задачами которых было решение многие политических и социально-экономических проблем. Уже в 1920 г. в Харбине оренбургскими казаками была создана Рабочая артель, переименованная в 1922 г. в Оренбургскую казачью дальневосточную станицу – первое казачье объединение в Маньчжурии [3, с. 34].

В 1920-е в Синьцзяне численность русской диаспоры была меньше, чем в Маньчжурии и составляла чуть более 20 тыс. человек [6, с. 75]. Большую часть из них составляли бывшие российские военнослужащие и казачество. Значительная часть русскоязычной колонии Синьцзяна уже в первой половине 20-х годов получила советское гражданство, рассчитывая вернуться в СССР. Именно поддержание торговых связей между Советской Россией и Синьцзяном стала решающим фактором стабилизации ситуации в регионе.

Однако уже за 1929-1930 гг. в Синьцзян из СССР прибыло около 28 тыс. русских. Причиной послужило начало проведения политики сплошной коллективизации в СССР. Власти Синьцзяна не препятствовали приходу вынужденных переселенцев, поощряли заселение русскими малоосвоенной земли. В отличие от

северо-восточного Китая, правительство Синьцзяна проводило активную социально-экономическую политику в отношении русских, одним из проявлений которой было удобное расселение их внутри провинции. Однако как в Маньчжурии, так и в Синьцзяне для русских граждан действовал запрет на покупку и долгосрочную аренду земли.

К 1929 году по окончании конфликта на КВЖД между СССР и Китаем русское население в Маньчжурии окончательно разделилось на советских и китайских граждан, а также эмигрантов. Со стороны китайских властей непрерывно осуществлялись манипуляции с гражданством [6, с. 153]. В отличие от большинства европейских стран, Китай не признал уместным введение универсального документа для удостоверения личности эмигрантов – нансеновского паспорта, поэтому деятельность официальных представителей Офиса имени Ф. Нансена не могла влиять на решение вопросов правового статуса находившихся в Китае русских.

Политическая ситуация на северо-западе Китая в 1930-1940-е гг. также отличалась крайней нестабильностью, в связи с чем положение российской диаспоры в регионе имело особую специфику. Эмигранты получали китайское гражданство и равные права с другими этническими группами, в регионе были открыты несколько русских школ и гимназия в Урумчи. Вместе с тем, политика местного правительства Синьцзяна в отношении эмигрантов отличалась противоречивостью и была направлена на то, чтобы русская эмиграция потеряла политическое значение и превратилась в одну из многочисленных диаспор, составляющих пеструю этническую картину провинции.

К окончательному обострению положения на Дальнем Востоке привела японская оккупация Северо-востока Китая. В 1932 большая часть эмигрантов во избежание репрессий была вынуждена переселиться в другие провинции Китая. Стремясь сохранить влияние на русских эмигрантов, Япония учреждает в 1934 году

Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурской империи – БРЭМ.

БРЭМ была уникальной организацией, его создание в определенной степени предопределило дальнейшую консолидацию эмигрантского сообщества. Так, для русских вводились обязательная регистрация и прописка – своеобразные единые эмигрантские паспорта в виде регистрационных квитанций и личных книжек. По данным японских исследователей, в действиях японцев преобладало стремление сохранить монопольное влияние на новых граждан Маньчжоу-го, а также привлекать их для антисоветской деятельности. Зарегистрировавшись как официальные граждане Маньчжоу-го, бывшие эмигранты должны были подчиняться японской администрации.

В 1935 году на втором съезде народных масс Синьцзяна было принято решение о том, что русские с китайским гражданством получали название «гуйхуацзу» – натурализованная раса. Это означало, что они уже не являлись эмигрантами, а имели статус граждан Китая [2, с. 78]. В 1930-х русских колоний в Китае уже оставалось меньше, чему способствовала военная помощь СССР Гоминьдану и коммунистической партии Китая и начало масштабных репатриаций российской диаспоры из Китая в СССР.

Таким образом, состояние правового статуса русских эмигрантов на территории Китая в 1920-1930-е гг. отличалось неустойчивостью ввиду сложной внутривнутриполитической обстановки как на северо-западе, так и на северо-востоке Китая. Представители российской эмиграции в 30-40-е гг. XX в. оказались вовлечены во внутривнутриполитическую жизнь Китая, что впоследствии стало определяющим в признании их политико-правового статуса в регионе пребывания. Сложный характер отношений Китая с СССР ставил перед мигрантами вопрос выбора советского или китайского гражданства. Для эмигрантов в Маньчжоу-го выбор был продиктован преимущественно стремлением сохранить рабочие места на КВЖД, поэтому часть из них вступала в китайское гражданство. В Синьцзяне эмигранты обладали правом восстановления в советском гражданстве, однако, будучи зарегистрировавшимися гражданами, они часто теряли предыдущий перечень прав и оставались в статусе беженцев. Вопросы, связанные с определением правового статуса, постоянно оказывались в фокусе китайско-советских, а затем и японо-советских отношений, однако основным препятствием в их решении было фактическое отсутствие международного регулирования положения эмигрантов на Дальнем Востоке и Центральной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблажей Н.Н. С востока на восток. Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: СО РАН, 2007. 300 с.
2. Гутин И.Ю. Динамика численности русского населения Синьцзян-Уйгурского автономного района (1949-2000) // Вестник МГИМО университета. 2011. №5. С.74-83.
3. Малышенко Г. И. Демографические процессы в среде российского казачества Дальневосточного зарубежья (1920-1945 гг.) // Омский научный вестник. 2005. №4. С.31-35.
4. Наземцева Е.Н. Правовой статус беженцев как фактор межгосударственных отношений в сравнительно-историческом контексте: взаимодействие СССР и Китая в урегулировании правового положения русских эмигрантов в 1920-1940 – е гг. // Сравнительная политика. 2018. №4. С.51-61.
5. Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. URL: <http://www.rusky.com/history/library/emigration>.
6. Попов Ф.А. Во власти чужой Фемиды: ликвидация русских судов в Китае в 1920 г. глазами русской общины // Россия и АТР. 2017. №1. С. 82-97.

7. Попов Ф.В. Закрытие российского посольства в Китае в контексте политико-идеологической борьбы на Дальнем Востоке России (1920) // История: факты и символы. 2016. №4. С. 120-132.
8. Appeal by the Chinese Government. Report of the Commission of Enquiry. Geneva, 1932. 146 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ablazhej N.N. S vostoka na vostok. Rossijskaja jemigracija v Kitae. Novosibirsk: SO RAN, 2007. 300 s.
2. Gutin I. Ju. Dinamika chislennosti russkogo naselenija Sin'czjan Ujgurskogo avtonomnogo rajona (1949-2000) // Vestnik MGIMO universiteta. 2011. №5. S. 74-83.
3. Malysenko G. I. Demograficheskie processy v srede russijskogo kazachestva Dal'nevostochnogo zarubezh'ja (1920-1945 gg.) // Omskij nauchnyj vestnik. 2005. №4. S. 31-35.
4. Nazemceva E. N. Pravovoj status bezhencev kak faktor mezhgosudarstvennyh otnoshenij v sravnitel'no-istoricheskom kontekste: vzaimodejstvie SSSR i Kitaja v uregulirovanii pravovogo polozhenija russkijh jemigrantov v 1920-1940 – e gg. // Sravnitel'naja politika. 2018. №4. S. 51-61.
5. Politicheskaja istorija russkoj jemigracii. 1920-1940 gg.: Dokumenty i materialy. M., 1999. URL: <http://www.rusky.com/history/library/emigration>.
6. Popov F. A. Vo vlasti chuzhoj Femidy: likvidacija russkijh sudov v Kitae v 1920 g. glazami russkoj obshhiny // Rossiya i ATR. 2017. №1. S. 82-97.
7. Popov F. V. Zakrytie russijskogo posol'stva v Kitae v kontekste politiko-ideologicheskoi bor'by na Dal'nem Vostoke Rossii (1920) // Istorija: fakty i simvol'y. 2016. №4. S. 120-132.
8. Appeal by the Chinese Government. Report of the Commission of Enquiry. Geneva, 1932. 146 с.

Поступила в редакцию 17.05.2022.
Принята к публикации 21.05.2022.

Для цитирования:

Литвинова Е.С. Политико-правовой статус русских эмигрантов в Китае в 20-30 гг. XX: сравнительный анализ // Гуманитарный научный вестник. 2022. №5. С. 1-5. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/05/Litvinova.pdf>